

Страхов, критик Фета

Ревекка Фрумкина

Во второй книге «фетовского» 103-го тома «Литературного наследства» (о ней я уже писала в связи с 80-летием этого издания www.polit.ru/article/2011/11/18/fet_tolstaya) опубликована обширная переписка А.А.Фета с русским критиком Н.Н.Страховым. При первом чтении эта переписка мне не показалась особенно интересной. Вернувшись к текстам, я поняла, почему. Начиная с февраля 1880 г., мы имеем возможность читать только *ответы* Страхова на несохранившиеся письма Фета (всего писем Страхова — 191, тогда как писем Фета — 29). Но чтобы понять, «что к чему» в этом корпусе писем, надо всё-таки хорошо представлять себе Николая Николаевича Страхова. А я о нем почти ничего не знала.

Да, был такой русский критик из стана «почвенников» (а что это в точности значит?); друг и помощник Толстого (вроде бы Страхов всё-таки не был «толстовцем»?); в свое время он сотрудничал с Ф.М. и М.М. Достоевскими при издании их журнала/журналов (названий не помню — ну ладно, я не русист); некогда был оппонентом Писарева и Чернышевского ...

Николай Николаевич Страхов — весьма значимая для нашей культуры фигура и тем более интересная, что он был одним из немногих русских литераторов, совмещавших серьезные занятия «положительными науками» и профессиональную издательскую, переводческую и критическую работу. Вообще 70-80-е годы XIX века *в целом*, в отличие от 60-х годов и грядущей эпохи символизма, чаще обсуждались не в качестве *самоценного* периода в русской литературе и русской мысли, а как *фон* для Толстого и Достоевского и, разумеется, как эпоха народничества.

Н.Н.Страхов родился в 1828 г. в Белгороде; он рано потерял отца и воспитывался в семье дяди, ректора духовной семинарии. Учился в Костромской духовной семинарии, а к экзаменам, позволявшим в дальнейшем поступить в университет, готовился самостоятельно.

В автобиографических заметках Страхов писал: *«Мне хотелось собственно изучать естественные науки, но я поступил на математику, как на ближайший к ним предмет, чтобы иметь возможность получать стипендию, и получал ее — по 6 рублей в месяц».*

По ряду причин Страхов позже вынужден был перейти из университета в Главный педагогический институт, что определило его жизнь на довольно длительное время — после окончания он должен был отработать восемь лет учителем гимназии. Страхов преподавал математику и физику — сначала в Одессе, потом в Петербурге, где навсегда и поселился.

Видимо, Страхов смолоду отличался способностью к последовательной сосредоточенной работе. Он сдал магистерские экзамены и защитил диссертацию по зоологии. В этот период жизни, по его же словам, Страхов *«занимался зоологиею и философиею и потому, разумеется, прилежно следил за немцами, в них видел вождей просвещения».* Свою профессиональную деятельность как литературный критик и журналист Страхов начал в кружке братьев Достоевских. В конце 1859 г. он стал бывать на литературных вторниках своего сослуживца А.П.Милюкова, фактического руководителя журнала «Светоч», где он с ними и познакомился. Сразу же по учреждении Достоевским своего журнала «Время» Страхов был приглашен в него в качестве одного из главных сотрудников.

Журнальная работа так захватила его, что он вышел в 1861 г. в отставку. После прекращения выхода журналов Достоевских Страхов редактировал «Отечественные записки», потом журнал «Заря», в 1872 г. закрывшийся. В августе 1873 г. Страхов принял место библиотекаря Публичной библиотеки по юридическому отделению.

Семьи у Страхова не было, жил он всегда очень сосредоточенно и размеренно. Страстью его было собирание книг, на что он тратил все средства, а квартиру из соображений экономии снимал на пару со знакомой супружеской четой.

Страхов интересен как сравнительно редкий для русской культуры XIX века тип высокообразованного литератора, склонного к размеренной повседневной работе. При несомненной и весьма масштабной просветительской направленности всей его деятельности Страхов никогда не выступал в роли активного пропагандиста каких-либо учений или теорий. На фоне журнальных поединков поздних 60-х и далее, вплоть до конца 80-х годов, тексты Страхова по-

ражают своей трезвостью. Так, Страхов был глубоко религиозным человеком и «почвенником». Но он не был ни религиозным мыслителем, ни проповедником, ни скептиком в отношении западного мира и, тем более, западной культуры. «Почвенничество» его состояло преимущественно в признании — во многом, вслед за Н.Я. Данилевским, с которым он был близко дружен, — особого пути развития России, специфики ее культуры и государственного устройства, но никак не в невнимании к европейской культуре и, в особенности, к европейской философии.

Именно Страхов перевел на русский язык значительные труды европейских философов — Шеллинга, четырехтомную «Историю новой философии» Куно Фишера, труды Тэна, а также много популярных книг по естественным наукам — среди них, например, «Жизнь птиц» Брэма.

Свои размышления Страхов первоначально публиковал в виде тщательно отделанных статей, которые потом объединял в сборники, пользовавшиеся вниманием читателей.

В письмах Страхова Фету мы можем проследить работу мысли Страхова в процессе его редакторской работы над фетовским переводом труда Шопенгауэра «Мир как воля и представление». С некоторого момента Фет посылал Страхову почти все написанные им стихи и, видимо, существенным образом учитывал сделанные Страховым критические замечания.

У Страхова было безошибочное чутье на пределы поэтической вольности, поэтому так поучительны его критические реплики по поводу фетовских стихотворных строк. Замечательно гибок и его русский язык — ведь к 80-м годам. Страхов успел перевести целую библиотеку философских и естественнонаучных сочинений.

Судя по сохранившимся письмам Фета Страхову, Фет был не просто страстный спорщик, но и, что называется, *«задира»*. Полемицируя со Страховым по поводу образа жизни и взглядов Л.Н.Толстого, да и по другим вопросам, Фет как бы не чувствует, что сам он уже «не слышит» собеседника. Но почти всегда Страхов находит способ вернуть Фета в русло «нормальной» беседы.

Как мне теперь представляется, если знакомство со Страховым начать с *внимательного* чтения его писем Фету, то непременно возникнет желание узнать о Страхове побольше. Вот, например, страстная любовь Страхова к музыке Вагнера. Немолодой и не слишком здоровый человек мечтает непременно поехать в Байреит, на вагнеровский фестиваль; он также не пропускает исполнения опер Вагнера в Мариинском театре.

Страхов не считает за труд разнообразные хлопоты по изданию трудов Фета, будь то переводы или сборники стихотворений «Вечерние огни». Он не только держит корректуры и пересылает их Фету, но озабочен еще и продажей книг, гонорарами Фета, переговорами с типографией и издателями и т.п.

Живя в Петербурге, Страхов тем не менее ежегодно навещает своего друга Н.Я. Данилевского в его крымском имении Мшатка, заезжая *по дороге* к Фету в Воробьевку (Курской губернии) и, конечно, проводя немало времени в Ясной Поляне (об участии Страхова в жизни Толстого довольно обстоятельно писали).

Н.Н.Страхов являл собой нечастый для русского литератора тип человека делового, верного своим убеждениям — и умеренного одновременно. Если кроме музыки и книг у него и были какие-то страсти, мы о них не узнаем.

Толстой в 1883 г. попросил Страхова прислать ему свое жизнеописание. Вот что Страхов написал Толстому в ответ на эту его просьбу: *«... Я берегся, я старался ничего не искать, а только избежать тех зол, которые со всех сторон окружают человека. И особенно я берегся нравственно... А затем — я служил, работал, писал — всё лишь настолько, чтобы не зависеть от других, чтобы не было стыдно перед товарищами и знакомыми. Во время литературства я помню, как я сейчас же останавливался, как только видел, что денег наработано довольно. Составить себе положение, имущество — я никогда об этом не заботился. Так что всё время я не жил, а только принимал жизнь, как она приходила... За это, как Вы знаете, я и наказан вполне».* (Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым, с. 165-166.)

Толстой написал, что не назвал бы это жизнью. На что Страхов ответил: «А я и не живу». Негромкий был человек и осторожный — но притом бесстрашный: нечастое сочетание. ♦